

Научная статья

УДК 398.5 (571.14) (-05)

DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-99-112

**Несказочная проза
русских сибиряков Новосибирской области
в фонде М. Н. Мельникова**

Виктория Александровна Гончарова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

goncharovava418@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1249-9095>

Аннотация

Представлен историографический и теоретический обзор, предваряющий комплексное фундаментальное исследование несказочной прозы русских переселенцев Новосибирской области, главным источником для чего послужили фольклорные материалы фонда М. Н. Мельникова. Зафиксирована актуальная теоретическая проблема изучения несказочной прозы русских переселенцев Сибири – выявление жанровой дифференциации фольклорных текстов. Несмотря на универсальность задачи, которая ставилась как в связи с фольклором коренных сибирских народов, так и в связи с фольклором восточнославянских переселенцев, ее решение имеет свои нюансы, обусловленные характером изучаемых материалов: так, славянский культурный код синтезирует этиологические, языческие и христианские представления, различное соотношение которых в фольклорном тексте и предстоит фиксировать в ходе жанрового анализа. На данный момент уже известен опыт сибирских фольклористов по системному классифицированию текстов. Так, современные омские исследователи И. К. Феоктистова и Н. К. Козлова, подтверждая общие теоретические тезисы, намеченные еще в работах В. Я. Проппа, и одновременно опираясь на них, выводят мифологический компонент как жанрообразующую константу, которая присуща текстам несказочной народной прозы, несмотря на ее ведущую установку на правдивость изложения. Именно этот признак дает исследователям основание для обновления филологического термина, который бы объединил такие жанры, как предание, легенда, быличка и бывальщина, – мифологическая народная проза. К схожим выводам самостоятельно, на материале непосредственных полевых источников, пришел еще М. Н. Мельников, однако ученый не развил экспедиционные наблюдения до полноценной концепции. В настоящее время доступ к ранее подцензурным зарубежным и отечественным научным трудам по фольклору позволяет учесть комплексный характер исследуемого явления и создать соответствующий его сложности метод анализа, что уже зафиксировано в современных работах по фольклористике. В статье также дана информация о собирательской экспедиционной работе М. Н. Мельникова и о том, как были распределены его экспедиционные материалы,

© Гончарова В. А., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 99–112
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2, pp. 99–112

Литературная жизнь сюжета

которыми сегодня обладают Областной центр русского фольклора и этнографии и Государственный архив Новосибирской области.

Ключевые слова

несказочная проза, мифологическая проза, фольклор русских переселенцев, фонд М. Н. Мельникова

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0002: «Устные традиции народов Сибири и Дальнего Востока: документирование и комплексное изучение»)

Для цитирования

Гончарова В. А. Несказочная проза русских сибиряков Новосибирской области в фонде М. Н. Мельникова // Сюжетология и сюжетология. 2026. № 2. С. 99–112. DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-99-112

Non-Fairytale Prose of Russian Siberian of Novosibirsk Region in the M. N. Melnikov Collection

Viktoriya A. Goncharova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

goncharovava418@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1249-9095>

Abstract

The article presents a historiographical and theoretical overview of the non-fairytale prose of the Russian settlers in Siberia, drawing primarily on manuscripts from M. N. Melnikov's folklore collection.

A central theoretical challenge addressed is the genre classification of this prose. While genre differentiation is a universal concern in folklore studies, applicable to indigenous Siberian and East Slavic settlers alike, its resolution has its own nuances due to the nature of the materials studied. Thus, the Slavic cultural code synthesizes etiological, pagan and Christian ideas, and the varying proportions of these elements within folklore texts careful genre analysis.

At the moment, the experience of Siberian folklorists in the systematic classification of texts is already known. For instance, modern Omsk researchers I. K. Feoktistova and N. K. Kozlova, building upon V. Ya. Propp's theoretical framework, identify the mythological component as a genre-forming constant in non-fairytale prose. This characteristic provides a basis for updating the philological terminology to encompass genres such as hystorical tales, legends, *bylischka* and *byvalschina*. M. N. Melnikov independently came to similar conclusions, based on the material of direct field sources. However, he did not fully develop these expedition observations to a full-fledged concept. Current accessibility to formerly censored foreign and domestic folklore scholarship enables a more thorough understanding of this complex phenomenon, facilitating the development of appropriate analytical methods, as evidenced in recent folklore studies.

The article also provides information about M. N. Melnikov's collecting expedition work. His expedition materials are now housed at the Regional Center of Russian Folklore and Ethnography and the State Archive of the Novosibirsk region.

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2026. № 2

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2

Keywords

non-fairytales prose, mythological prose, folklore of Russian settlers, M. N. Melnikov Collection

Acknowledgments

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0002: “Oral Traditions of Peoples of Siberia and the Far East: Documentation and Comprehensive Study”)

For citation

Goncharova V. A. Non-Fairytales Prose of Russian Siberians of Novosibirsk Region in the M. N. Melnikov Collection. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2, pp. 99–112. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-99-112

Введение

На данный момент одним из приоритетных фундаментальных направлений сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН является изучение русской несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока, которое должно завершиться подготовкой и изданием очередного тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Том завершит издание корпуса русского фольклора, в котором уже опубликованы эпическая поэзия (1991), сказки (1992, 1993), обрядовый фольклор (1997, 2002), лирические песни (1997).

* * *

Как известно, первые академические исследования и фиксирование фольклорного материала по территории Сибири в советское время были проведены этнографами, к которым вскоре подключились и фольклористы: «В 1950–1960-е годы в нашей стране наметилась активизация этнографического изучения обрядов и обычаев русских народов, населяющих СССР. В эту работу включились и фольклористы. <...> Этнография и фольклористика, оказавшись в одной упряжке, позволяя ученым делать весьма добротные научные работы. Это мы видим по трудам известных фольклористов В. И. Чичерова, В. Я. Проппа, В. К. Соколовской, издавших прекрасные исследования по календарной обрядности восточных славян» [Болонев, 2007, с. 39].

В контексте сибиреведения в настоящее время ведутся исследования по несказочной прозе Омской области [Козлова, 2006; 2014], конкретизируются теория и метод исследования на сибирском переселенческом материале [Феоктистова, 2011], также широко известны труды по народной прозе Русского Севера [Криничная, 2011; 2014]. Однако повествовательные несказочные тексты русских переселенцев Новосибирской области еще не подвергались полноценному системному изучению. В этом состоят **актуальность** и **новизна** нашего исследования.

Среди работ сотрудников сектора фольклора народов Сибири уже есть прецедент дискуссии об особенностях жанров несказочной прозы, методики ее исследования. Комментируя жанровую дифференциацию в изданных томах по якутскому (1995), нанайскому (1996) и удэгейскому (1998) фольклору Е. Н. Кузьмина подчеркивает, что «в большинстве своем авторские коллективы этих томов не имеют четких критериев классификации текстов. В научных статьях авторы

одно и то же произведение именуют то легендой, то мифом, то преданием, а чаще разграничение жанров отсутствует вовсе, и авторы обходятся единым терминологическим словосочетанием – мифы и легенды» [Кузьмина, 2008, с. 58]. Как мы увидим далее, эта проблема является актуальной и в контексте исследования фольклора русских переселенцев Сибири.

Таким образом, **целью** данного исследования будет, во-первых, актуализация истории и теории исследования несказочного фольклора русских и, в частности, русских переселенцев Сибири; во-вторых, определение значимости научного вклада М. Н. Мельникова и ценности его фольклорной коллекции.

1. Генезис и история научного исследования русской несказочной прозы

История исследования жанра несказочной прозы берет истоки в самом зарождении новой междисциплинарной академической науки. Введение нового материала для изучения в обиход советской фольклористики описывает П. Т. Громов в статье «Из истории советской фольклористики (о деятельности фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук в 20-е годы)»: «С середины 20-х годов внимание фольклористов ГАХН привлекает устный рассказ об истории колхозов, из жизни заводов, производственных коммун, соревнований и ударничества и т. д. Собираются крестьянские автобиографии (как вид народного творчества). В связи с этим возникает необходимость определить степень художественности и принадлежность собранных материалов к фольклору, определить их жанровые признаки и границы. В процессе экспедиционных работ обращается особое внимание на новые формы фольклора, вызванные к жизни социалистическим переустройством в деревне, обострением классовой борьбы, особенностями нового быта и социалистического строительства» [Громов, 1976, с. 97]. Так, Громов отмечает темы, социально актуализированные процессом индустриализации общества, которые создают новый виток в исследовании несказочного повествования. В этом случае научное знание стало максимально приближено к своему времени, фиксируя социальный и культурный срез своей исторической эпохи.

Необходимо учесть, что при зарождении академической фольклористики главенствовал метод исторического и диалектического материализма, риторику которого можно заметить в приведенной выше цитате и который находил как своих критиков, так и апологетов; полемика двух точек зрения выражалась в разной интерпретации фактического материала. Так, например, Громов описывает коллизию между советским и чешским исследователем по поводу сказки о злой барыне: «Для всякого непредубежденного читателя, доказывает Соколов, рассматриваемая сказка “питала особые социальные настроения в той среде, где рассказывалась, и, в свою очередь, питалась сочувствием слушателей, обусловившим спрос на нее”. Между тем Ю. Поливка опровергает социальное значение сказки, доказывая, что сюжет сказки принадлежит к числу “странствующих”, популярных в эпоху абсолютизма» [Там же, с. 101]. К концу 1920-х гг. Громов отмечает подъем вульгарного социологизирования в научном методе, который потерял установку на художественное рассмотрение текста, – именно эта проблема побудила органи-

зывать из нескольких институтов единую Государственную академию искусствознания [Громов, 1976, с. 103].

Рассмотрение истоков формирования академической фольклористики помогает нам увидеть ключевую особенность в методологии исследования фольклора и, в частности, несказочной прозы – ее амбивалентную природу, которая и обуславливает междисциплинарный подход в изучении фольклорного произведения, а также ядро полемики, не угасающей до настоящего времени.

1.1. История и теория исследования русской несказочной (мифологической, некомической) народной прозы в труде И. К. Феоктистовой «Русские предания: история и мифология»

Подробнейшая история дальнейшего изучения народной прозы в отечественной фольклористике (в том числе, что наиболее ценно, на сибирском материале) структурирована омским исследователем Ириной Константиновной Феоктистовой в монографии «Русские предания: история и мифология» в контексте разработки актуального терминологического аппарата фольклористики. Мы считаем нужным осветить основные тезисы этой работы развернуто, так как в ней детально рассмотрена актуальная на сегодняшний день проблема методики исследования народной прозы.

Во-первых, И. К. Феоктистова указывает ключевые признаки фольклорного жанра, впервые сформулированные В. Я. Проппом и перенятые ею для дифференциации фольклорных произведений: 1) отношение исполнителя к тексту (как к вымыслу или как к достоверному) и 2) «наличие мифологических, религиозных и фантастических мотивов в повествованиях, имеющих четкую установку на достоверность повествования» [Феоктистова, 2011, с. 24]. Преимущественное обращение к работам В. Я. Проппа как к фундаменту фольклористического исследования обосновано И. К. Феоктистовой тем, что, несмотря на академическую цензуру советского периода, которая в течение нескольких десятилетий распространялась на труды ученых, пытавшихся говорить о мифологических и языческих представлениях славян, В. Я. Проппу всё же удалось опубликовать «Исторические корни волшебной сказки», хотя и не без последствий (увольнение из Академии наук после выхода книги) [Там же, с. 15–24].

Во-вторых, рассмотрение истории исследования фольклора приводит ученого к выводу о некорректном употреблении самого термина «несказочная проза» («несказочные жанры фольклорной прозы»), который собирает жанры по негативному принципу родства. Выявляя позитивный признак мифологической составляющей, И. К. Феоктистова объединяет в один вид жанры предания, легенды, былички и бывальщины [Там же, с. 5–6]. В связи с вышеупомянутой историей смены научных парадигм И. К. Феоктистова также замечает, что сам признак мифологичности как константы жанра имеет возможность быть обозначенным в наше время именно по причине более открытых идеологических принципов научного сообщества: «...если сотрудники научно-исследовательских институтов и преподаватели высших учебных заведений Москвы и Ленинграда всё же имели, как мы успели убедиться, некоторую возможность для свободного выражения своих идей, то в провинции ученые вынуждены были ориентироваться на единственную официально одобренную властями теорию – “фольклор – искусство слова”. По этой причине эстетическая функция преданий, которую В. К. Соколова и Э. В. Померанцева обоснованно считали факультативной, была в соответствии

с веяниями времени выдвинута на центральное место в исследованиях талантливых уральских ученых Л. Н. Грідневой, А. И. Лазарева и В. П. Кругляшевой» [Феоктистова, 2011, с. 68]. Таким образом, цензурирование определенных тем в рамках научного дискурса повлияло на методологию исследования, которая в ранний советский период установила примат литературоведческого изучения фольклорного текста с установкой на поиск художественного, эстетического смысла.

В-третьих, перечисленные признаки дополняются наблюдениями из современной научной литературы филологического направления: «отсутствие комических мотивов», т. е. отсутствие развлекательной функции исследуемых жанров [Там же, с. 194].

Указанное выше, а также теоретические выводы в рамках изучения мифа таких исследователей, как А. Ф. Лосев, К. Г. Юнг, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, В. Н. Топоров, С. Ю. Неклюдов, О. М. Фрейденберг, Н. А. Криничная и мн. др., были переработаны И. К. Феоктистовой в самостоятельную систему жанров мифологической прозы, которая базируется на сочетании трех широких тем [Там же, с. 201]:

- I. Человек, природа и общество;
- II. Человек и сверхъестественные существа низшей мифологии;
- III. Человек и проявление Божественных сил.

Разработанная система предполагает контаминацию этих тем и существование смешанных жанров соответственно, например, суеверный фабулат с историческими мотивами или христианский меморат с суеверными мотивами.

Контаминация жанров как препятствие к строгому разграничению повествований было сформулировано и объяснено Е. Н. Кузьминой в связи с практическим опытом полевых исследований и непосредственным наблюдением за процессом исполнения фольклорного текста. Исследователь предлагает ввести термин «амфотерность», позаимствовав его из химии. Проводя аналогию с материалом естественнонаучного знания, Евгения Николаевна замечает два фактора «амфотерности» произведений. Во-первых: «В зависимости от мастерства самого рассказчика, настроения и возраста слушателей, даже времени исполнения и многих других обстоятельств в тексте усиливается вымысел или историзм» – что схоже с амбивалентной реакцией амфотерного вещества в ходе химического лабораторного эксперимента [Кузьмина, 2008, с. 62]. Во-вторых, запись процесса современного устного исполнения фиксирует угасание традиций, что на уровне произведения выражается в контаминации мотивов разных жанров. Так, наряду с классическими нарративами (этиологический, мифологический, легендарный, исторический) исследователь предлагает ввести и амфотерный, относя к нему «те повествования, которые объединяют в себе художественные признаки и мифов, и легенд, и преданий» [Там же, с. 73].

Следуя логике исследователя, амфотерными мы можем называть многочисленные комбинации жанров, которые фиксирует И. К. Феоктистова в своей дифференцирующей системе. Однако в данном случае, как выявляет И. К. Феоктистова, контаминация не воспринимается как проблема для условного построения рафинированной фольклористической жанровой теории, а наоборот, иллюстрирует фактическое разнообразие и пестроту конкретного материала, на описание которого и направлено изучение. Подобное отношение к неоднозначному материалу

стало возможно за счет отказа от канонического разграничения мифов, преданий и легенд и пересмотра базовых элементов произведения – героя, пространства и темы.

Таким образом, мы делаем вывод, что работа И. К. Феоктистовой, с одной стороны, в значительном объеме освещает корпус исследований несказочной / мифологической / некомической народной прозы и, на наш взгляд, в настоящее время представляет наиболее адекватный и целостный результат научной рефлексии над трудами перечисленных исследователей, так как указывает на непосредственные причины формирования того или иного метода изучения и, с принципиальной установкой на объективность, формулирует единый дискурс научной мысли; с другой стороны, предлагает свою концепцию исследования на материале русского фольклора.

1.2. История и теория исследования русской несказочной прозы в трудах М. Н. Мельникова

На материале русского фольклора в Сибири вопрос не эстетического (внеэстетического) характера фольклора рассмотрел также сибирский филолог-фольклорист и руководитель многочисленных полевых экспедиций Михаил Никифорович Мельников. Контаминация признаков и полифункциональность как базис фольклорного произведения ввиду синкретизма оригинальных фольклорных форм так или иначе находит отражение, как показывает Мельников, в трудах и отечественных, и зарубежных ученых: В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Ф. И. Буслаев, О. Ф. Миллер, А. Н. Афанасьев, А. Н. Пыпин, А. А. Котляревский, Р.-С. Боггс, А. Тайлор, М. К. Мартинес, Г. Смеу, Э. Неэдлы, К. И. Гулиан и мн. др. [Мельников, 1981]. Прецедентом же прямого высказывания в рамках советской фольклористики М. Н. Мельников считает доклад К. В. Чистова на Всесоюзной научной конференции в Минске (1974), на который также ссылается в начале своего исследования русских преданий И. К. Феоктистова. В историографическом описании М. Н. Мельников прослеживает путь советской фольклористики от социологизирования фольклора до возведения примата художественности в его изучении, что выразилось в обновленной терминологии: от «народная мудрость, народное знание» к «народное поэтическое творчество», «устное народное творчество» [Там же, с. 75]; в это же время литературоведческая направленность исследований подкрепилась музыковедческим анализом. Сугубо искусствоведческий взгляд на материал осознавался М. Н. Мельниковым как ключевая методологическая проблема своего времени, однако вопрос идеологического характера научного дискурса не рассматривается ученым так, как это было представлено в труде И. К. Феоктистовой, с указанием причинно-следственных связей методологических границ фольклористики в определенные десятилетия советской эпохи.

В контексте исследования несказочной прозы для нас будет также важен следующий комментарий фольклориста по вопросу контаминации функций в этих жанрах: «Даже произведения жанров, не связанных с музыкой и драматической игрой, таких как сказка, быличка, предание, легенда, без учета дополнительных элементов (интонация, мимика, жест и пр.) и эмоциональной наполненности атмосферы естественного бытования не вполне раскрывают свою художественную сущность. <...> Еще в большей степени это верно по отношению к произведениям несказочной прозы, ибо художественность любого из них в полной мере этого слова – результат бессознательного творчества. Если для сказки основная

функция – эстетическая, то для несказочной прозы скорее информативная, нраво-учительная, дидактическая» [Мельников, 1981, с. 76].

По наблюдению исследователя, сочетание эстетических и внеэстетических характеристик в рамках произведения отражается не только на уровне функций, но и в форме высказывания: «Но даже грубо-суммарное их рассмотрение показывает, что лишь незначительная часть топонимических преданий, записанная от подлинных мастеров народного красноречия, имеет художественную форму. Абсолютное же большинство содержит неоформленное художественное сообщение. Было бы логичным или исключением этого большинства из фольклора по признаку художественности – нехудожественности или признание того факта, что фольклор не только искусство, но где-то на своей периферии – и не искусство» [Там же, с. 77–78]. Таким образом, Мельников напрямую соотносит художественный, т. е. эстетический потенциал произведения с его исполнителем, индивидуальными перформативными и риторическими навыками рассказчика, однако выделяет их как вторичные по отношению к бытовым внеэстетическим функциям, без которых неизбежно угасает жанр как таковой.

1.2.1. Полевые наблюдения М. Н. Мельникова по несказочной прозе русских переселенцев Западной Сибири

Существенные положения по теме идентификации и анализа полевого материала несказочной прозы были высказаны автором в статье «К вопросу о бытовании быличек и легенд в наши дни», которая фиксирует опыт нескольких экспедиций по областям Западной Сибири: Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ) (1976, 1971–1972), Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) (1970–1974) [Мельников, 1976, с. 38]. Полифункциональный характер жанров несказочной прозы, который был подробно описан выше, М. Н. Мельниковым определяется как проблема в процессе анализа материала, а также, по наблюдению ученого, является фактором, обуславливающим специфику полевой фиксации: «Былички и легенды, даже в том случае, когда они по своим художественным достоинствам были не ниже сказок, воспринимались слушателями не как поэтические произведения, не как художественный вымысел, а в качестве сообщения о якобы достоверном факте» [Там же, с. 37]. Примечательно, что М. Н. Мельников приходит к следующему утверждению, исходя не из тезисов доклада К. В. Чистова (как было у И. К. Феоктистовой), а продолжая свое рассуждение о специфике записи материала: «В отличие от сказки, для былички не характерна устойчивость текста, сюжета. Для нее характерна устойчивость мифологических образов, представлений о местах их обитания, круге их обязанностей и интересов, возможности творить добро и зло. Текст быличек – всегда результат бессознательного творчества, а вернее предопределенная представлениями о “нежити” импровизация» [Там же]. Как было зафиксировано выше, данное положение побудило И. К. Феоктистову изменить ключевое терминологическое словосочетание «несказочная проза» на «мифологическая проза», изъяс дихотомию «сказочное – несказочное» из семантики; в трудах М. Н. Мельникова подобного не находим.

Понятие о синкретизме выводится исследователем как ключевое и интенсивно подкрепляется наблюдениями полевых исследований, которые раскрывают тезис об импровизации исполнения несказочных фольклорных жанров, что влияет

и на вариативность фиксации материала, ту самую амфотерность, о которой говорила Е. Н. Кузьмина: «Например, талантливая сказочница Александра Ермолаевна Егорова сказки может рассказывать в любое время суток, былички и легенды – только вечером или ночью (на покосе). Аудитория, которой отдается предпочтение, – дети, старики. Она тонко чувствует настроение слушателей, улавливает их желание и соответственно не только подбирает репертуар, но и меняет манеру исполнения. <...> Для изучения эстетического содержания несказочной прозы первостепенное значение, на наш взгляд, приобретают полевые наблюдения собирателей» [Мельников, 1976, с. 38].

Далее М. Н. Мельников дает сведения и характеристику информантам, с которыми работал, их социальную стратификацию (пожилые люди, монашки, старообрядцы и т. д.) и подробно перечисляет тематическое содержание материала, записанного в различных районах, а также варианты его распространения. В этом контексте интересно отметить ситуацию неоднозначного принятия легендарного повествования на конкретной территории: «Престарелые или религиозные люди, сохранившие веру в правдивость легенд, не сразу доверяют их “неверующим горожским”. Большинство же населения относится к ним с явным пренебрежением: “Да мало ли чо ни наврут! Говорили, слышал, да враки, поди, всё”» [Там же, с. 40]. Таким образом, вариативность отношения к содержанию и закрепление текста в речевом репертуаре носителя снова имеет под собой принцип разделения по социальным группам: в данном случае обособляются «престарелые или религиозные люди».

В завершение статьи М. Н. Мельников делает вывод о различных условиях сохранности и бытования легенд и быличек в Западной Сибири: «Сохраняются главным образом легенды, в основе которых лежит острый нравственный конфликт или связанные с топонимикой края. <...> Былички, в основе которых лежит древнее одухотворение природы (о водяных, леших, русалках), немногочисленны... <...> Более устойчивой оказалась родовая мифология (рассказы о домовых), вера в магическую силу слова (рассказы о колдунах)» [Там же, с. 47].

Таким образом, исследование М. Н. Мельникова раскрывает комплексную природу фольклорного произведения, в основе которого заложен синкретизм, и объясняет особенности толкования уже записанного от информанта текста. М. Н. Мельников, как и И. К. Феоктистова, видит в жанрах несказочной прозы мифологический костяк, заключенный в образах, чего нельзя сказать о сюжете, который может видоизменяться в связи с импровизацией исполнителя, адаптирующего свой навык под коммуникативную ситуацию исполнения. Однако необходимо отметить, что, несмотря на высокую содержательность, наблюдения ученого не систематизированы должным образом. Полевые находки М. Н. Мельникова должны быть использованы в ходе исследования несказочной прозы русских переселенцев в Сибири, однако следует объединить их с уже намеченными разработками по тематической и жанровой дифференциации И. К. Феоктистовой.

* * *

Объемнейший корпус полевых материалов по Новосибирской области был собран под руководством известного сибирского ученого-фольклориста Михаила Никифоровича Мельникова: «Михаил Никифорович не только знал народно-бы-

товую культуру близкородственных народов, оказавшихся в сибирском регионе, но прежде всего является одним из первопроходцев в изучении культурных традиций русских, украинцев и белорусов» [Болонев, 2007, с. 37].

В свое время М. Н. Мельников ясно сформулировал актуальные проблемы фольклористических исследований, обосновав необходимость самостоятельного междисциплинарного направления – сибиреведения. В учебном пособии «Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири» он пишет: «...локальные явления принимались за общесибирские. Большинство исследователей советского времени не учитывало генетических связей, истоков развивающихся в Сибири фольклорных традиций» [Мельников, 1988, с. 4]. Так, исследователь подчеркивал необходимость исторического подхода, рассмотрения фольклорной традиции в ее самостоятельном развитии (филологическом, этнографическом, географическом), что позволило бы качественно дифференцировать эти традиции в общем срезе. Сам М. Н. Мельников выделял фактор национальной территориальности как ключевой для сохранения этнического самосознания [Там же, с. 9]. Переходя от теории к практике полевого исследования, ученый конкретизировал объем информации для сбора в фольклорно-этнографических экспедициях по Новосибирской области, что методически отразилось в категориях паспорта песни и прозаических жанров фольклора [Там же].

Полевые фольклорные материалы, собранные под руководством М. Н. Мельникова, состоят на хранении в двух местных архивах: Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) и Областном центре русского фольклора и этнографии (ОЦРФиЭ).

В статье «Фольклорные материалы» Татьяна Юрьевна Мартынова зафиксировала тип и количество единиц хранения в Областном центре, которые образовали фонд фольклорных материалов: «После смерти Михаила Никифоровича, выполняя его волю, Е. К. Мельникова передала в Центр оставшиеся книги, материалы фольклорно-этнографических экспедиций. Полученные ОЦРФиЭ материалы (1 290 книг, 252 тетради, 229 магнитных лент) получили название “Фонд М. Н. Мельникова”» [Мартынова, 2007, с. 57]. В настоящее время известно, что большинство записанного материала – музыкального характера, меньше – сказок и детского фольклора. По причине экономии места на катушках и кассетах фиксация жанров несказочной прозы не ставилась в задачи сбора полевого материала.

Фундаментальную базу для исследования представляет собой фонд ГАО «Коллекция фольклорных материалов, собранных под руководством профессора Новосибирского государственного педагогического института М. Н. Мельникова, 1962–1990 гг.». Историю формирования данного фонда подробно описала Н. В. Леонова, детально рассмотрев по этим материалам процесс работы ведущего специалиста, сотрудника-архивиста ГАО Елены Андреевны Мамонтовой [Леонова, 2017].

2. Общая характеристика материала из фонда М. Н. Мельникова ГАО. География записей

«Коллекция фольклорных материалов» состоит из двух описей: текстовые документы и фонодокументы; всего 3 614 единиц хранения, которые включают

в себя тетради с записями фольклорных материалов, дневники собирателей, а также указатели-реестры содержания тетрадней.

В рамках данного исследования нами были изучены перечисленные типы документов в текстовом виде: сначала по указателям-реестрам, которые содержат жанровую опись были найдены тетради и дневники с материалами по несказочной прозе, затем из заказанных в архиве тетрадней были печатно набраны необходимые тексты. На данный момент мы располагаем более чем 200 фольклорных текстов различных жанров несказочной прозы, зафиксированных в ходе полевой студенческой практики у русских переселенцев в Новосибирской области.

География записей распространяется на такие районы и округа, как Барабинский, Венгеровский, Искитимский, Карасукский, Колыванский, Краснозерский, Куйбышевский, Купинский, Кыштовский, Маслянинский, Мошковский, Советский, Северный, Сузунский, Татарский, Усть-Тарский, Черепановский, Чистоозерный, Чулымский.

Заключение

Завершая вводное исследование по несказочной прозе русских сибиряков Новосибирской области, можно сформулировать несколько тезисов.

Во-первых, мы рассмотрели источник проблемы изучения несказочной прозы в контексте теории фольклорных жанров (вопрос отношения к излагаемому и степень художественности), а также формулирования самого термина, объединяющего в себе несколько народных жанров по общему признаку «мифологическая константа».

Во-вторых, мы изучили особенности полевой экспедиционной деятельности М. Н. Мельникова, которая предоставила фундаментальный фольклорный материал коллекций ГАНО и ОЦРФиЭ для дальнейшего исследования устной традиции Новосибирской области. Особое внимание мы обратили на собственные наблюдения М. Н. Мельникова по собранной им в начале 1970-х гг. несказочной прозе.

В-третьих, мы обнаружили схожесть выводов об особенностях несказочной прозы у фольклористов в работе над сибирским материалом, однако также зафиксировали, что современные ученые уже находят путь построения сложной концепции с опорой на многочисленные теоретические работы предыдущих исследователей.

В-четвертых, нами было дано краткое описание количества собранных материалов, подлежащих обработке и жанровому анализу в ближайшей перспективе.

Список литературы

Болонев Ф. Ф. М. Н. Мельников как этнограф // Мельниковские чтения: Материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 24–26 февраля 2005 г. / Сост. и ред. Н. В. Леонова, Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Сова, 2007. С. 35–42.

Громов П. Т. Из истории советской фольклористики // Сибирский фольклор: Сб. ст. Новосибирск, 1976. С. 90–103.

Козлова Н. К. Мифологические рассказы о Змее и змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск, 2006. 460 с.

Козлова Н. К. «Там лес и дол видений полны...». Восточнославянские мифологические рассказы Омского Прииртышья о лешем, полевом, водяном и русалке / Сост., автор вступ. ст., ст. каждого раздела и справ. аппарата Н. К. Козлова. Омск, 2014. 106 с.

Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных областей: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 632 с.

Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 390 с.

Кузьмина Е. Н. Несказочная проза народов Сибири: опыт подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. Новосибирск, 4–7 ноября 2008 г. Новосибирск, 2008. С. 58–73.

Леонова Н. В. Елена Андреевна Мамонтова и фольклорный фонд М. Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области // Мельниковские чтения: Материалы Восьмой межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 16–17 февраля 2017 г. / Науч. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2017. С. 65–71.

Мартынова Т. Ю. Фольклорные материалы М. Н. Мельникова в «Фонд-архиве» ОЦРФиЭ // Мельниковские чтения: Материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 24–26 февраля 2005 г. / Сост. и ред. Н. В. Леонова, Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Сова, 2007. С. 57–64.

Мельников М. Н. К вопросу о бытовании быличек и легенд в наши дни // Сибирский фольклор: Сб. ст. Новосибирск, 1976. С. 36–47.

Мельников М. Н. Полифункциональность фольклора // Сибирский фольклор: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПИ, 1981. С. 68–88.

Мельников М. Н. Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири. Фольклор старожильческого русского населения: Опыт типологии: Учеб. пособие. Новосибирск: НГПИ, 1988. 96 с.

Феоктистова И. К. Русские предания: история и мифология: Монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 240 с.

References

Bolonev F. F. M. N. Melnikov kak etnograf [M. N. Melnikov as an ethnographer]. In: Leonova N. V., Fursova E. F. (eds.). Melnikovskie chteniya [Melnikov readings]. Proceedings of the second regional scientific and practical conference. Novosibirsk, Sovya Publ., 2007, pp. 35–42. (in Russ.)

Feoktistova I. K. Russkie predaniya: istoriya i mifologiya [Russian legends: history and mythology]. Monograph. Omsk, Omsk State Uni. Press, 2011, 240 p. (in Russ.)

Gromov P. T. Iz istorii sovetskoi fol'kloristiki [From the history of Soviet folklore]. In: Sibirskiy folklor [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1976, pp. 90–103. (in Russ.)

Kozlova N. K. “Tam les i dol videniy polny...”. Vostochnoslavjanskije mifologičeskie rasskazy Omskogo Priirtyš’ja o lešhem, polevom, vodyanom i rusalke [“There forest and dale are full of visions...”. East Slavic mythological stories of the Omsk Irtysh region about the wood goblin, field spirit, water spirit and mermaid]. Omsk, 2014, 106 p. (in Russ.)

Kozlova N. K. Mifologičeskie rasskazy o Zmee i zmeyakh. Sistematika. Issledovanie. Teksty [Mythological stories about the Serpent and snakes. Systematization. Research. Texts]. Omsk, 2006, 460 p. (in Russ.)

Krinichnaya N. A. Krest’yanin i prirodnyaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byval’shchiny, pover’ya Karelii i sopredel’nykh oblastei: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii [The peasant and the natural environment in the light of mythology. Memorates, fabulates, beliefs of Karelia and adjacent regions: Research. Texts. Comments]. Moscow, Russkii fond sođeystviya obrazovaniyu i nauke, 2011, 632 p. (in Russ.)

Krinichnaya N. A. Mifologiya vody i vodoemov. Bylichki, byval’shchiny, pover’ya, kosmogonicheskie i etiologičeskie rasskazy Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii [Mythology of water and water bodies. Memorates, fabulates, beliefs, cosmogonic and etiological stories of the Russian North: Research. Texts. Comments]. Petrozavodsk, Karel’skii nauchnyi tsentr RAN, 2014, 390 p. (in Russ.)

Kuzmina E. N. Neskazochnaya proza narodov Sibiri: opyt podgotovki tomov serii “Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka” [Non-fairy tale prose of the peoples of Siberia: experience of preparing volumes of the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”]. In: Aktualnye problemy sibirskoi fol’kloristiki [Current problems of Siberian folklore studies]. Novosibirsk, 2008, pp. 58–73. (in Russ.)

Leonova N. V. Elena Andreevna Mamontova i fol’klornyj fond M. N. Melnikova v Gosudarstvennom arkhive Novosibirskoi oblasti [Elena Andreevna Mamontova and the folklore collection of M. N. Melnikov in the State Archive of the Novosibirsk Region]. In: Leonova N. V. (ed.). Mel’nikovskie chteniya [Melnikov readings]. Proceedings of the eighth interregional scientific and practical conference. Novosibirsk, NGONB Publ., 2017, pp. 65–71.

Martynova T. Yu. Fol’klornye materialy M. N. Melnikova v “Fond-archive” OCRFE [Folklore materials by M. N. Melnikov on the “foundation archive” of the OCRFE]. In: Leonova N. V., Fursova E. F. (eds.). Mel’nikovskie chteniya [Melnikov readings]. Proceedings of the second regional scientific and practical conference. Novosibirsk, Sova Publ., 2007, pp. 57–64. (in Russ.)

Melnikov M. N. Fol’klornye vzaimosvyazi vostochnykh slavyan Sibiri. Fol’klor starozhil’cheskogo russkogo naseleniya: Opyt tipologii [Folklore interrelations of the Eastern Slavs of Siberia. Folklore of the old-timer Russian population: Experience of typology]. Textbook. Novosibirsk, NSPI Press, 1988, 96 p. (in Russ.)

Melnikov M. N. K voprosu o bytovanii bylichek i legend v nashi dni [On the question of the existence of memorates and legends nowadays]. In: Sibirskiy fol’klor [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1976, pp. 36–47. (in Russ.)

Melnikov M. N. Polifunkcionalnost’ fol’klora [The polyfunctionality of folklore]. In: Sibirskiy fol’klor [Siberian folklore]. Interuniversity collection of scientific papers. Novosibirsk, NSPI Press, 1981, pp. 68–88. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Информация об авторе

Виктория Александровна Гончарова, младший научный сотрудник

Information about the Author

Viktoria A. Goncharova, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 11.06.2026;
одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 30.06.2026
The article was submitted on 11.06.2026;
approved after reviewing on 30.06.2026; accepted for publication on 30.06.2026*